

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2019

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 16, № 1

весна

2019

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 36

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Москва, ФГУП «Издательство «Наука»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Посвящение Н.М. Карамзина, адресованное императору Александру I, в китайском переводе «Истории государства Российского».
Введение, перевод с китайского и маньчжурского, примечания
Т.А. Пан, Д.И. Маяцкого, Лю Жо-мэй 5

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Е.П. Островская.** Проблема свободы воли в буддийской антропологии 35
Ю.А. Иоаннесян. Некоторые важные отличительные черты хорасанской группы персидских диалектов от говоров афгано-таджикской диалектной группы 50
А.А. Амбарцумян. Праздник «Баба-Шуджа-уд-Дин» в средневековом Иране 75

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- М.М. Юнусов.** Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. V. Дешифровка пальмирского алфавита: Дж. Свинтон и Ж.-Ж. Бартелеми. Часть I 90

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- А.В. Зорин, А.А. Сизова.** К истории формирования и обработки фонда тибетских текстов из Хара-Хото в собрании ИВР РАН 114

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Т.В. Ермакова.** Городская конференция «Актуальные проблемы буддологических исследований–6» (Санкт-Петербург, 4 июля 2018 г.) 139
А.В. Зорин. Седьмые петербургские тибетологические чтения (Санкт-Петербург, 7 сентября 2018 г.) 143

РЕЦЕНЗИИ

- Эйделькинд Я.Д.** Песнь Песней: перевод и филологический комментарий к главам 1–3. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2015 (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. 53/1, 53/2). В 2 ч. Ч. 1, с. 1–156, I–VIII, ч. 2, с. 157–536 (**К.А. Битнер**) 146
D. Burton. Buddhism: A Contemporary Philosophical Investigation. — New York: Routledge, 2017. — viii + 212 pp. (**С.Л. Бурмистров**) 150
Б.Б. Лаикарбеков. Ваханский глагол в историческом аспекте. — М.: Языки Народов Мира; ТЕЗАУРУС, 2018. — 172 с. (**О.М. Чунакова**) 157
Анно Масаки. Нагасаки — город иезуитов. Общество Иисуса в Японии XVI века / Перевод с японского Вячеслава Онищенко. — СПб.: Гиперион, 2018. — 254 с. — ISBN 978-5-89332-321-4 (**К.Г. Марандэян**) 164

На четвертой стороне обложки:

Маньчжурский текст посвящения Н.М. Карамзина императору Александру I в переводе «Истории государства Российского». Рукопись НБ СПбГУ Хул. F-60, л. 3а

Некоторые важные отличительные черты хорасанской группы персидских диалектов от говоров афгано-таджикской диалектной группы

Ю.А. Иоаннесян

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806219010035

Статья посвящена пяти важным признакам различия между хорасанской группой персидских диалектов и говорами афгано-таджикской диалектной группы: двум фонетическим, двум морфологическим (в области системы глагола) и одному, относящемуся к составу предлогов. Хотя эти признаки не исчерпывают всех различий между двумя этими группами, они отобраны автором как одни из наиболее *устойчивых*. Статья написана на основе широкого круга источников — от полевых диалектологических материалов самого автора до многочисленных публикаций отечественных, западных, иранских, таджикских и афганских исследователей.

Ключевые слова: иранское языкознание, персидская диалектология, диалектология Афганистана, таджикская диалектология.

Статья поступила в редакцию 25.11.2018.

Иоаннесян Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (youlii19@gmail.com).

© Иоаннесян Ю.А., 2019

В предыдущих работах мы предлагали основанную на результатах изысканий своих предшественников¹ и наших собственных исследований уточненную нами классификацию диалектов континуума близкородственных языков — персидского (на территории Ирана), дари/афганско-персидского (на территории Афганистана) и таджикского (в Средней Азии) (см.: Иоаннесян 1995; 1998; Ioannesyan 2000; 2007). В этой классификации мы обосновывали выделение хорасанских диалектов персидского (Северо-Восточный Иран и Северо-Западный Афганистан) в самостоятельную группу. Такая уточненная классификация предполагает наличие трех диалектных групп — западной (персидские говоры Западного и Центрального Ирана), центральной, или хорасанской (говоры Северо-Восточного Ирана, Гератской провинции и прилегающих к ней районов Афганистана), и восточной, или афгано-таджикской (го-

¹ Своими предшественниками в области классификации диалектов персидского-дари-таджикского массива мы считаем Р. Фархади и Ш. Киффера (Ch.M. Kieffer). В частности, они оба выделяют персидские/дари говоры Северо-Западного Афганистана и объединяют их с хорасанскими (Фархади 1974: 7; Redard, Kieffer, Sana 1974: 24).

воры дари, бытующие в Афганистане без его северо-западной части, и таджикские диалекты Средней Азии).

В предшествующих наших работах был выявлен в общих чертах широкий спектр особенностей и дифференцирующих признаков хорасанских диалектов как по отношению к западной группе, так и восточной. Однако некоторые из этих крайне важных дифференцирующих признаков связаны с явлениями, находящимися в стадии переходности и трансформации от одного типа к другому. Это относится, в частности, к системе вокализма, которая в гератском и других хорасанских диалектах характеризуется переходностью от восьмифонемного к шестифонемному составу в результате далеко зашедшего процесса слияния исторических $\bar{i}-\bar{e}$ и $\bar{u}-\bar{o}$. Переходное состояние приводит к колебаниям в произношении и наличию дублетных форм и тем лишает признаки статуса «устойчивого» критерия. Целью настоящей статьи является выделение целого ряда четких и *устойчивых* признаков различия между хорасанской и афгано-таджикской диалектными группами. В качестве таких признаков мы отобрали два фонетических, два связанных с системой глагола и один — из области предлогов.

1. Одну из характерных особенностей таджикского языка и его диалектов, как и дари (афганско-персидского), в сравнении с персидским языком составляет переход в *маджгульные* звуки исторически *немаджгульных* $\bar{i}$, $\bar{t}$, и перед фарингальными h , ‘ в закрытом слоге. Остановимся на переходе $\bar{i}$, $\bar{t}$ в *маджгульный* e (в дари: $\bar{e}$). Явление это заслуживает внимания еще и потому, что выступает одной из наиболее универсальных черт таджикского языка. Как отмечает В.С. Расторгуева, особенно распространен переход $i > e$, свойственный не только литературному языку, но и всем таджикским говорам (Расторгуева 1964: 29). Этот же феномен отмечается и в говорах дари (кроме бытующих на северо-западе Афганистана и лингвистически относящихся к хорасанской группе диалектов). Данному вопросу мы посвятили две отдельные статьи, поэтому здесь коснемся этой темы более кратко. Приведем некоторые примеры из таджикских говоров, абстрагируясь от разнообразия тембра [e] в диалектах:

e(h) < ĭ(h)	e(h) < ĭ(h)	e(‘), e(h) < i‘
бадахшанские: gire ² (گړه) ‘узел’	бадахшанские: saheh ³ (صحيح) ‘верный; здоровый’	дарвазские, пенджикентские: toleh ⁴ (طالع) ‘счастье’
каратагские (то же): gireh ⁵		кулябские: tobe ⁶ (تابع) ‘подчиненный; область’
аштский, кассансайский и др. говоры: farbeh ⁷ (فربه) ‘жирный’		дарвазские (то же): tobeh ⁸
кулябские, варзобский и др.: mehnat ⁹ (محنت) ‘труд’		кулябские: Ne‘matulo ¹⁰ (نعمت الله) имя собственное

² Розенфельд 1982: 80.

³ Мурватов 1982: 140 (№ 966).

⁴ Розенфельд 1956: 201; Иванова 1956: 282.

⁵ Успенская 1956: 222.

⁶ Мурватов 1982: 140 (№ 966).

⁷ Расторгуева 1963: 196.

⁸ Розенфельд 1956: 201.

⁹ Мурватов 1982: 175; Расторгуева 1963: 135.

¹⁰ Мурватов 1982: 91 (№ 244 в тексте осложнено послелогом).

e(h) < ĩ(h)	e(h) < ĩ(h)	e(‘), e(h) < i(‘)
бадахшанские и др.: de(h)qon ¹¹ (دهقان) ‘крестьянин’		кулябские: badfe‘ ¹² (بعدمفعول) ‘злой’
кулябские и др.: behtar/ betar/be ¹³ (بهتر/به) ‘лучше’		

Аналогичное явление наблюдается в говорах дари Афганистана (за исключением северо-западного). В них в соответствующих позициях исторические *ĩ* (современное *e* [ĕ]) и *ĩ* также переходят в маджгульный *ê* (при этом *h* и ‘ не сохраняются). Приведем примеры из кабульского как наиболее хорошо изученного и показательного диалекта региона¹⁴:

ê < ĕh		ê < ĩh		ê < ĩ‘, ĩ‘	
кабульский диалект	книжно-литературный дари	кабульский диалект	книжно-литературный дари	кабульский диалект	книжно-литературный дари
dê ¹⁵ ‘деревня’	deh	tazbê ‘четки’	tasbih	šêr ‘стих’	še‘r
bê/bêtar ‘лучше’	beh/ behtar	tarâbe — ночная молитва во время рамазана	tarâwih	êtebâr ‘доверие’	e‘tebâr ¹⁶
gerê ‘узел’	gereh			talê ‘пок’	tâlê‘
dêqân ‘крестьянин’	dehqân			Samê — имя собственное	Sami‘
čêga ‘лицо’	čehra			wâqê ¹⁷ ‘происшедший’	wâqe‘
mêr ‘любовь’	mehr			êtemâl ‘вероятность’	ehtemâl

В хорасанских же диалектах (диалекты этой группы распространены не только в иранской провинции Хорасан, но и в Северо-Западном Афганистане), напротив,

¹¹ Розенфельд 1982: 66; Махмудов 1978: 13.

¹² Мурватов 1982: 95 (№ 406).

¹³ Мурватов 1982: 256 (№ 2297), 188 (№ 369), 211 (№ 541); Богорад 1963: 56.

¹⁴ Широкое распространение этого фонетического явления в говорах дари отражено в транскрипции народных четверостиший из разных областей Афганистана, вышедших в сборнике: betê, bêtar, tâlê, cêga и т.п. (Sho‘ur 1353: 409).

¹⁵ Здесь и далее см. Фархади 1974: 33–34, 60.

¹⁶ Как и в персидском языке Ирана, в книжно-литературном дари [‘] не произносится.

¹⁷ Этот и нижеследующий примеры заимствованы из статьи (Пахалина 1964: 30, 32, 58) (транскрипция слегка изменена).

перехода в *маджгуль* исторических *ĩ*, *ī* не наблюдается, что подтверждается тем обстоятельством, что историческому *ĩ* (современному *e* [ĕ]) перед *h* и *‘* здесь нередко соответствует более широкий (чем *e*) по артикуляции звук. Так, у выходца из провинции Бадхиз¹⁸ в 1981 г. нами зафиксирована форма *dāgoni* ‘крестьянский труд’, и у выходца из провинции Гор¹⁹ отмечена такая же форма *dāgoni* (ср. слово того же корня в сочетании: *deāt-ā digə* ‘другие деревни’). Ср. у последнего тот же аллофон (исторически краткого) [e] или [a] в позициях, никак не связанных с рассматриваемым в данной статье явлением: *dəl bə dəl*.

Расширение гласного в данном положении, хоть и нерегулярно, наблюдается также и в говорах района Герата²⁰. Наиболее показательными в этом отношении выступают примеры, в которых явление это отмечается в абсолютном исходе слова под ударением, то есть в позиции, особенно благоприятной для сохранения качественных характеристик фонем и их возможных аллофонов: *girə*²¹ ‘узел’, *zārapuš* ‘бронетранспортер’, *mascetjama/mascetjame* ‘соборная мечеть’ — ср. эквиваленты этих слов в литературном дари: *gereh*, *zerehpōš*, *masjed-e jāme* (<*jāmi*‘). Ср. расширение *e>ā* перед *h* в говоре Мешхеда: *māhrābani* ‘любезность’, *bādā* — пов. накл. глагола ‘давать’, *dā* ‘деревня’ (Masse 1925: 93, 101, 173), *māh* ‘туман’, *motavajjāh* ‘обращающий внимание’²² — ср. *mehrebāni*, *meh*, *motavajjeh* литературного персидского языка. В материалах В.А. Иванова из Северного Хорасана встречаются аналогичные примеры: *bāytārum ku* ‘сделай меня лучше’, *čahrā* (*chahrā*) ‘лицо’ (Ivanow 1925: 269, no. 52; 292, no. 171). Появление открытых гласных *a/ā/ə/ε*, соответствующих исторически краткому [i] перед *‘* и *h*, исключает допущение перехода в данной позиции краткого по своему происхождению *e* в *маджгульный* (исторически долгий *ē*), который всегда реализуется как закрытый. Иное допущение противоречило бы общему направлению эволюции фонологического типа иранских языков. Как отмечает Д.И. Эдельман, «исторические долгие гласные ненижнего подъема (типа *e*, *o*) в одних языках сохраняются в течение довольно длительного времени, в других имеют тенденцию к сужению; таков переход *o>ı* в таджикском, *o>u* в иронском диалекте осетинского и в персидском и т.д. Однако расширение *e* и *o* нигде не отмечается» (ОИТИИЯ 1975: 64). К тому же, едва бы этот переход имел бы место в таких диалектах, как хорасанские, в которых произошло слияние исторически *маджгульного* [ĕ] с историческим [ī], а первый утратил свойства самостоятельной фонемы, превратившись в вариант единой фонемы [i/ĕ]. При этом в гератском исторический [ī] в аналогичных позициях, в отличие от рассмотренных выше таджикских, кабульского и других диалектов, в которых он перешел в *маджгульный* гласный, остается без изменений: *tespi* ‘четки’, *tafri/tafri* ‘отдых’, *piy* ‘жир’, ср. *tasbih*, *tafrih*, *pih* литературного дари.

Таким образом, в диалектах хорасанской группы ни в одной из рассмотренных выше позиций звука, соответствующие историческим *ĩ*, *ī*, в *маджгуль* не переходят, а там, где гласный и претерпевает трансформацию, он не соответствует характери-

¹⁸ Об этом информанте по имени Мохаммад Али мы располагаем лишь незначительными сведениями — неграмотный житель указанной провинции, основной вид его деятельности — батрацкий труд.

¹⁹ Этот информант по имени Назар Мохаммад имел среднее специальное образование и происходил из деревни Какари-Сийсанг области Пахаван.

²⁰ В данной статье мы используем материалы по гератскому диалекту, собранные нами в процессе полевых исследований в Афганистане.

²¹ Звук *ə* в настоящей транскрипции представляет собой вариант *ā* (гласного первого ряда ниже среднего подъема) с несколько менее отчетливой артикуляцией.

²² Два последних примера записаны нами от уроженца Мешхеда.

стикам *маджгульного* *ê* и не может рассматриваться в качестве такового. По этой причине следует констатировать, что переход в *маджгуль* под влиянием *h* и *‘* выступает отличительным признаком исключительно восточной группы диалектов (афгано-таджикской)²³, а отсутствие данного явления в хорасанской служит ярко выраженным отличием хорасанских диалектов от афгано-таджикских.

2. Важным четким дифференцирующим признаком в области консонантизма между диалектными группами, а точнее между афгано-таджикской, с одной стороны, и хорасанской (как и западной), с другой, служит наличие двух самостоятельных фонем — [q] и [ɣ] в говорах первой группы и соответствующей им одной фонемы в хорасанских (и других персидских диалектах на территории Ирана). В своем глубоком исследовании по фонетике таджикского языка, проведенном преимущественно на базе варзобского говора, В.С. Соколова отмечает: «Консонантизм характеризуется строгим фонологическим различием смычного глухого и щелевого звонкого гласно-заднеязычных фонем (*q-ɣ*), в отличие от персидского языка...» (Соколова 1949: 7). Относительно *ɣ* этот автор особо оговаривает, что «звонкие щелевые *z* и *ɣ*... почти всегда сохраняют звонкость в исходе: оглушаться может и при этом редко лишь конечный отрезок их звучания, причем для фонемы *ɣ* даже такое частичное оглушение не является характерным... исходные *z* и *ɣ* всегда отчетливы, а случаи их отпадения очень редки. Для фонемы *ɣ* они не засвидетельствованы вовсе...» (Там же: 95).

Обе фонемы представлены во всех таджикских диалектах, а о согласном *q* Расторгуева пишет: «Он имеется абсолютно во всех таджикских говорах, равно как и в современном литературном языке» (Расторгуева 1964: 51–53). Авторы соответствующего раздела «Основ иранского языкознания» (далее: ОИЯ) отмечают: «Помимо... согласных фонем собственно иранского происхождения, в таджикском языке и в афганском дари имеется еще фонема [q] (увулярный, смычный, глухой согласный)... (в современном персидском она заменяется звуком *ɣ*)» (ОИЯ 1982: 57). Таблица ниже иллюстрирует оппозицию фонем [q] и [ɣ] в таджикском языке. Большая часть приводимых в ней примеров отмечена нами не только в литературном языке, но и в народном фольклоре и говорах:

[q]	[ɣ]
qarib (в южн. говорах дублетные формы: qarīw/qarib) ‘близко; почти’, ²⁴	ɣarib ‘странник, скиталец; одинокий’, ²⁵
qolib ‘форма, колодка’, ²⁶	ɣolib ‘победитель’, ²⁷
qozi ‘судья’, ²⁸	ɣozi ‘борец за веру’, ‘участник священной войны’
qulba ‘пахота’, ²⁹	ɣulba ‘сорока; ворона’, ³⁰
qaridan ‘ловить, схватить’, ³¹	ɣaridan ‘рухнуть’ (юго-восточные говоры) ³²

²³ В диалектах западной группы он также не наблюдается.

²⁴ Расторгуева 1963: 231; Розенфельд 1962: 56, 117; Розенфельд 1960: 57; СТФ 1981: 136, 168, 293; Мурватов 1982: 25, 59, 91, 102, 127, 155–156, 174–175, 186.

²⁵ Розенфельд 1962: 124, 152.

²⁶ Расторгуева 1963: 234.

²⁷ Ср.: az gurgho ɣolib baromadi! «победил волков!» (СТФ 1981: 206).

²⁸ Мурватов 1982: 196, 224, 229, 258.

²⁹ Розенфельд 1982: 165.

³⁰ СТФ 1981: 191; Розенфельд 1982: 86.

³¹ Расторгуева 1963: 231; Мурватов 1982: 231; Розенфельд 1982: 161.

³² Розенфельд 1982: 84.

То же противопоставление наблюдается в диалектах дари Афганистана (кроме хорасанских), что наглядно выражено в кабульском (с учетом его фонетических особенностей):

[q]	[ɣ]
qarib 'близко; почти'	ɣarib 'странник, обездоленный; бедняк' (ср. ɣaribkâr 'поденщик') ³³
qâzi 'судья' ³⁴	ɣâzi (ср. ɣâzimard) 'борец за веру' ³⁵
qâr (< qahr) 'рассерженный' ³⁶	ɣâr 'пещера' ³⁷
qât 'слой' ³⁸	ɣât 'время' ³⁹
qul 'подмышка' ⁴⁰	ɣul 'глупец, безумец' ⁴¹

Переходя к диалектам хорасанской группы, укажем, что принципиальным их отличием от рассмотренных выше афгано-таджикских является отсутствие в них фонематической оппозиции звуков *q* и *ɣ* и соответствие им единой фонемы, которую в нашей транскрипции мы обозначаем как [ġ]. На отсутствие противопоставления звуков, передаваемых в арабской графике буквами ق и غ, обращали внимание все исследователи диалектов Хорасана, начиная с гератского. При этом речь не идет об отрицании различия между звуковыми вариантами этой единой фонемы. Так, автор Словаря гератского диалекта А. Фикрат (A. Fikrat) в своем предисловии отмечает: «В разговорном языке Герата, как показало исследование автора, слова, начинающиеся с ق и غ, в начале слова произносятся одинаково⁴², максимально приближенно к ق в литературном арабском языке. По этой причине такие слова все помещены в раздел буквы ق. Когда же ق испытывает воздействие предшествующего гласного, то приближается в произношении к غ» (Fikrat 1976: Предисловие)⁴³. Иными словами, в начальной позиции эта фонема представлена максимально приглушенным своим вариантом, сближающимся (хотя и не абсолютно совпадающим) с арабским звуком, передающимся буквой ق. В интервокальной и поствокальной позициях она реализуется в озвонченном своем варианте, приближающемся к звуку, передающемуся в арабском буквой غ. Соответственно, оба варианта выступают аллофонами единой фонемы⁴⁴. Наше собственное исследование подтверждает это положение в принципе,

³³ Фархади 1974: 103, 181, 192; Afghani Nawis 1985: 409; Farmand (приложение) — Afghani Nawis 1985: 40; Sho'ur 1974: 76, 79, 128, 154, 161, 206, 220, ср. 126.

³⁴ Фархади 1974: 157.

³⁵ Ср.: Afghani Nawis 1985: 407.

³⁶ Фархади 1974: 33, 165; Sho'ur 1974: 80, 81, 211, 462.

³⁷ Afghani Nawis 1985: 407; Sho'ur 1974: 80, 81, 211, 462; ср.: Фархади 1974: 52, 173.

³⁸ Afghani Nawis 1985: 418; Sho'ur 1974: 176, 236, 452; Фархади 1974: 200.

³⁹ В арабской графике: غات. См. Sho'ur 1974: 252, 327, 452.

⁴⁰ Afghani Nawis 1985: 434.

⁴¹ Afghani Nawis 1985: 412; Farmand (приложение) — Afghani Nawis 1985: 129; Sho'ur 1974: 226, 236, 275; ср.: Фархади 1974: 165.

⁴² هر دو با تلفظی یکسان...

⁴³ Здесь и далее выдержки из зарубежных работ приводятся в нашем переводе.

⁴⁴ При таких характеристиках фонема эта полностью согласуется с описаниями соответствующей ей в тегеранском и других персидских говорах западной группы. Вот как определяет ее Ю.И. Рубинчик: «...увулярный смычный шумный глухой согласный... Смычный г в основном встречается в начале слова... Кроме того, существует звонкий щелевой вариант звука г, возникающий в следующих позициях: а) между гласными...; между гласным и звонким согласным или звонким согласным и гласным» (ПРС 1985: II, 797–

если абстрагироваться от таких частных особенностей, как индивидуальные особенности носителей диалекта и некоторые другие несущественные обстоятельства⁴⁵. Ниже представлено несколько примеров из записанных нами текстов на гератском диалекте и из Словаря А. Фикрата, иллюстрирующих отсутствие фонологической (фонематической) оппозиции звуков *q* и *ɣ* в данном диалекте:

ġ соответствует звуку, передаваемому посредством ق в арабской графике	ġ соответствует звуку, передаваемому посредством غ в арабской графике
ġarib (قريب) ⁴⁶ ‘приблизительно, почти’	ġarib (غريب) ⁴⁷ ‘бедный, несчастный; скиталец’
ġalle/ġale (قلعه) ⁴⁸ ‘крепость’	ġalə (غله) ‘зерно’
ġâri (قاری) ⁴⁹ ‘чтец Корана’	ġâri (غاری) — относительное прилагательное от ġâr ‘пещера, отверстие’ ⁵⁰

Ниже в таблице представлены некоторые примеры приглушенного звучания данной фонемы (в основном в начале слов), переданной посредством буквы ق в Словаре гератского диалекта Фикрата, при ее соответствии букве غ в литературном персидском и дари. В кабульском диалекте в этих словах произносится *ɣ*.

Написание в Словаре гератского диалекта	Литературное написание и значение	Произношение в кабульском диалекте
قالت ⁵¹	غلط ‘ошибочный’	ɣalat ⁵²
قيرت ⁵³	غيرت ‘гордость, самолюбие’	ɣaurat
قيلون ⁵⁴	غليان ‘кипение’	
قول ⁵⁵	غول ‘глупец, безумец’	ɣul ⁵⁶

798). Автор персидской грамматики В.М. Такстон, чью характеристику этой фонемы мы полностью разделяем, пишет: «[q] — обычно веларный задненебный (back velar) или передний увулярный смычный (front uvular stop), сопровождающийся незначительным озвончением(!)... Когда [q] возникает в интервокальной позиции, он тяготеет к увулярному фрикативному {ɣ}; тем не менее, оба аллофона свободно варьируются» (Wheeler M. Thackston 1993: 27).

⁴⁵ Так, нами зафиксированы случаи соответствия фонеме [q] литературного дари более вокализированного варианта ġ в гератском, чем фонеме [ɣ], в том числе в начале слова. В словах ġar «гнев» — лит. дари qahr, ġan «сахар-рафинад» — лит. qand и др. нами отмечен более звонкий вариант ġ, чем в ġam «горе» — лит. ɣam, ġeyb «отсутствующий» — лит. ɣayb и др.

⁴⁶ Ср.: ġarib bə bis «приблизительно двадцать».

⁴⁷ Ср.: adam ġarib-i-om «я — бедный человек». См. также (Fikrat 1976: 123; Farmand (приложение) — Afghani Nawis 1985: 127).

⁴⁸ Ср.: yak ġalle áste ke ič ni sar dâre, ni kun «некая крепость — ни переда, ни зада» (т.е. без входа и выхода). В гератском, как и в других хорасанских диалектах, происходит чередование звуков *ɛ/ə/â* в исходе слов, в позиции, в которой они соответствуют *-e* литературного персидского и *-a* литературного дари. При этом звуки эти в данной позиции выступают вариантами одной фонемы.

⁴⁹ Fikrat 1976: 120.

⁵⁰ Ср.: ġâr-e ku «отверстие/пещера в горе».

⁵¹ Fikrat 1976: 124.

⁵² Ср.: Afghani Nawis 1985: 410.

⁵³ Fikrat 1976: 126.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Afghani Nawis 1985: 412; Sho'ur 1974: 226, 275; ср.: Фархади 1974: 165.

Написание в Словаре гератского диалекта	Литературное написание и значение	Произношение в кабульском диалекте
ڤلت زدن ⁵⁷	غلتن زدن, ср. غلتیدن 'переворачиваться, перекатываться'	ɣalt ⁵⁸ zadan
ڤوته زدن ⁵⁹	غوטה زدن 'нырять'	ɣôta zadan ⁶⁰
ڤوری ⁶¹	غوری 'поднос'	ɣuri ⁶²
ڤوره ⁶³	غوره 'незрелый плод'	ɣôra ⁶⁴
ڤاڤه ⁶⁵	ناغه 'уклоняющийся от обязательства'	nâɣa ⁶⁶

Рассмотрим ситуацию в других хорасанских диалектах на территории Ирана, начиная с мешхедского. Ценным материалом для изучения последнего выступают тексты на этом диалекте, опубликованные А. Массэ (H. Massé), несмотря на не всегда удачную принятую в его работе транскрипцию. Этот исследователь в предисловии к текстам отмечает, что ځ в говоре Мешхеда «иногда произносится как ڤ»⁶⁷ и «соответственно ڤ иногда произносится как ځ»⁶⁸. Такой «взаимный» переход друг в друга, как и наличие дублетных форм слов, сам по себе наглядно иллюстрирует отсутствие фонологической оппозиции между звуками, передаваемыми в графике буквами ڤ и ځ, ср.: otâq/otâĝ⁶⁹ «комната» (Massé 1925: 96–97), aqâ/agâ «господин» (Там же: 112), jiq/jiĝ (جیغ) «визг» (Там же: 73, 94). Крайне показательно неоднократно встречающееся слово qarĝ (Там же: 95, 98–99, 116), в арабском написании: غرق, в котором приглушенный q соответствует букве ځ, а озвонченный ĝ — букве ڤ, что согласуется с отмеченной выше общей ситуацией в гератском диалекте, при которой приглушенный вариант фонемы чаще возникает в начале слова. Указанные выше факты свидетельствуют о наличии в мешхедском говоре единой фонемы, представленной в двух вариантах — приглушенном и озвонченном. Более поздние исследования мешхедского диалекта подтверждают этот вывод (об одной фонеме). Так, в статье М.Р. Пахлаваннежада и Х. Неджатиана по фонетике этого диалекта указывается единая фонема [q], передающаяся в арабской графике буквами ڤ и ځ, что следует из транскрипции отдельных слов: demaq (دمغ) «оставшийся в дураках», demâq (دماغ) «нос» (Pahlavânnežâd, Nejâtîyân 1990: 39), šoloq (شلوغ) «шумный, беспокойный» (Там же: 47), qiž (غیژ) «скрип двери» (Там же: 38) — ср. qolf < qofl (قفل) «замок» (Там же: 44),

⁵⁷ Fikrat 1976: 124.

⁵⁸ Ср.: Afghani Nawis 1985: 410.

⁵⁹ Fikrat 1976: 125.

⁶⁰ Ср.: Afghani Nawis 1985: 411; Farmand (приложение) — Afghani Nawis 1985: 129.

⁶¹ Fikrat 1976: 125.

⁶² Ср.: Afghani Nawis 1985: 412.

⁶³ Fikrat 1976: 125.

⁶⁴ Ср.: Afghani Nawis 1985: 412.

⁶⁵ Fikrat 1976: 164.

⁶⁶ Afghani Nawis 1985: 555.

⁶⁷ “ځ se prononce parfois comme ڤ” (Massé 1925: 73).

⁶⁸ “Réciproquement, ڤ se prononce parfois comme ځ” (Massé 1925: 73).

⁶⁹ Знаком ĝ в текстах Массэ обозначается озвонченный вариант данной фонемы, близкий к ɣ. Он же используется для передачи в транскрипции ځ.

čâqu (چاقو) «нож» (Там же: 35) и т.п. Эта фонема определяется в работе как «смычный, увулярный, звонкий согласный (واکدار، ملازی، انسدادی)» (Там же: 35). Поэтому использование в латинской транскрипции знака q для ее передачи в хорасанских и вообще в персидских диалектах Ирана не должно вводить в заблуждение. В отличие от говоров восточной группы (таджикских и дари), в которых тот же знак при транскрибировании обозначает глухой смычный согласный, противопоставляющийся звонкой фонеме [ɣ], в хорасанских, как и в персидских диалектах западной группы, он используется для фонемы озвонченной или имеющей звонкий вариант.

Рассмотрим теперь диалекты, бытующие в южной части иранского Хорасана — бирджандский и кайенский. Еще известный иранист В.А. Иванов, посвятивший немало трудов изучению Хорасана и его диалектов, отмечал чередование (взаимозаменяемость) звуков q и gh (= ɣ) как особенность диалектов Хорасана: «q часто возникает вместо исконного gh (غ), например: qam = غم⁷⁰; qulâm⁷¹ = غلام; qora = غوره и т.п.» (Ivanow 1925: 247)⁷². В материалах Иванова по бирджандскому диалекту отмечаются дублетные формы: ghulâm/qulum (ср. qulum-ät) «раб» (Ivanow 1928: 319, 334, 336), ghazâ/qazâ «еда» (Там же: 265, 269, 286) и случаи соответствия знаку gh (= ɣ) в транскрипции буквы ق в персидском литературном написании: ghâlibâf (قالی باف) «ковродел» (Там же: 291), ferâgh (فراق) «разлука» (Там же: 297). Этим же знаком (gh) передан согласный в словах, которые в арабской графике литературного языка пишутся через غ: gharib (غریب) «чужак, скиталец» (Там же: 305), baghal (بغل) «подмышка; бок» (Там же: 273), zâgh (زاغ) «ворон» (Там же: 266). Наблюдения Иванова подтверждаются и более поздним пространственным исследованием бирджандского диалекта, предпринятым Дж. Резаи. В нем при перечислении согласных указывается единая фонема [q] (ق) (Rezaee 1998: 33, 38, 57–58) и отмечается, что она артикулируется в диалекте так же, как и в «официальном персидском языке»⁷³. Автор определяет ее как «звонкий увулярный согласный»⁷⁴. При этом звуки, передаваемые в арабской графике буквами ق и غ, в произношении не различаются, что следует из соответствия им обеим q/ق в латинской и арабографической транскрипциях: zeqâl/زقال «уголь» (Там же: 46, 49) — ср. лит. перс. زغال, šalqam/شلقم «репа» (Там же: 46) — ср. лит. شلغم, ср. qermez/قرمز «красный» (Там же: 49) — ср. лит. قارب, qâb/قارب «футляр» (Там же: 41) — ср. лит. قارب и т.п. Резаи по этому поводу пишет: «Звук “غ”... в бирджандском говоре нет, и слова, которые в персидской графике пишутся с “غ”, произносятся в Бирджанде через “ق”» (Там же: 41, примеч. 1).

В другом южнохорасанском диалекте — кайенском отмечается та же картина. Лишь одну фонему [q] выделяет в системе его консонантизма исследователь Р. Зоморродиан (Zomorrodian 1974: 87).

Таким образом, подводя итог данному разделу, можно констатировать, что в отличие от диалектов афгано-таджикской группы, хорасанские (подобно другим персидским диалектам Ирана) характеризуются отсутствием фонематической оппозиции звуков q и ɣ и соответствием им единой согласной фонемы.

⁷⁰ Ср. дублетные формы этого слова с изафетом и без него в сабзеварском диалекте: qam-i.../gham-e (Ivanow 1925: 273, 283, ср. также 275), qam/gham (Там же: 265, 269, 289; Ivanow 1927: 35; ср. также 21, 25).

⁷¹ Ср. qulum-ät-râ в сабзеварском диалекте (Ivanow 1927: 13). Здесь и далее в некоторых примерах транскрипция слегка изменена.

⁷² Ср. также biqiš = بیخش «беспримесный» в сабзеварском диалекте (Ivanow 1927: 28–29).

⁷³ Ср.: در فارسی رسمی مانند "ق" (Rezaee 1998: 41).

⁷⁴ Ср.: واکبر که واجگاہ آن بین زبان یا ملازه است (Rezaee 1998: 41).

3. Крайне важной морфологической различительной особенностью выступают префиксальные или приставочные глаголы. Речь идет о глаголах, содержащих в своем составе морфологически выделяемые префиксы⁷⁵ словообразовательного назначения (см.: ОИЯ 1982: 144–146) *dar-*, *ba-* и некоторые другие, однако показательными в интересующем нас аспекте выступают именно эти два. Для более полного рассмотрения данного вопроса обратимся к истории.

В языке ранней классической персидской литературы эти словообразующие префиксы или превербы могли как отделяться от глагольной основы посредством *hamē*, *na-*, так и примыкать к ней. В последнем случае *hamē* (изначально наречие, превратившееся в поздний период — XIII–XV вв. — в формообразующий префикс *mē-*) могло употребляться отдельно от глагола: предшествовать ему или следовать за ним.

Глагольный префикс *dar-* происходит из *andar* с первоначальным значением — движение внутрь. В современном персидском языке Ирана *dar-* совмещает оба значения — движение внутрь и вовне. Первый случай относится к глаголам, означающим «вхождение в некое состояние». Второй — к глаголам, означающим перемещение в пространстве. В современном языке дари Афганистана и в таджикском за этим префиксом закрепилось исключительно первое значение. Однако в данной статье нас будет интересовать не семантика, а морфология⁷⁶.

Рассмотрим несколько примеров из «Шах-наме» Фердоуси:

1. Глаголы с префиксом (an)*dar-* (*andar/dar āmadan*, *andar/dar āvardan*, *andar/dar raftan*, (an)*dar guzaštan* и т.п.):

Az-ō andar āmad hamē parvariš ki pōšīdanī nav bud-u nav x^variš «от него исходило воспитание — и одяние было новым, и еда» (из «Сказания о Каюмарсе»);

Juhūd-u masīhī namānad ba jāy dar ārad hamē dīn-i rēšīn zi pāy⁷⁷ «не останется ни иудея, ни христианина, ниспровергнет он (новый посланник) старую религию» (из «Рассказа о сне Ануширвана и извещении Бузургмихра»);

Ō-rā gurd Šīdūš dārad ba pāy ču kōh-ē hamē andar āyad zi jāy (вариант: *ki kōh-ē hamē andar ārad zi jāy*) «держит его (стяг) прочно богатырь Шидуш, перемещается он со своего места словно гора (вариант: «сносит он со своего места и гору»)» (из «Рассказа о том, как Фаруд и Тухар идут смотреть на иранское войско»);

Nağuftam man īn tā nagaštam γamī ba mayz-u xīrad dar navāmad kamī «не сказал я это, пока не загрустил, [и] не убавилось у меня мозгов и мудрости (букв.: в мозг и мудрость не вошло умаление)» (из «Сказания о Манучихре: Заль держит совет с мубедами о Рудабе»).

Či māya-i jahān-rā ba saxtī bidāšt jahānāfarīn z-ō hamē dar guzašt «поскольку держал он (Захак) в крепких тисках основу/начало мира, Мироздатель отворачивался от него» (из «Сказания о двенадцати поединках: Гударз и Пиран заключают договор о войне одиннадцати поединков»).

⁷⁵ По другой терминологии — «превербы».

⁷⁶ Существует точка зрения, что *dar-* при глаголах, выражающих значение движения вовне, происходит не от *andar*, а от *ba dar/be dar* (ср. совр. перс. *be dar bordan* «выносить наружу» и т.п.), но в результате отпадения *an* и *ba/be* и контаминации совпавших по внешней форме глаголов с противоположной семантикой, префикс *dar-* в современном персидском объединил в себе оба значения. Однако в данной статье мы абстрагируемся от рассмотрения подобных вопросов.

⁷⁷ Ср. выражение в современном персидском языке: *از پا درآوردن*.

2. Глаголы с префиксом *bar-* (*bar āmadan*, *bar dāštan*, *bar darridan* и т.п.):

Jahān čun ba zāṭī bar āyad hamē bad-ō nēk rōz-ē sar āyad hamē «когда предается стенианию мир, благие времена для него подходят к концу» (из «Сказания о двенадцати поединках: Вступление»);

Zi gard-i sipah havā šud nāpadīd bar āmad hamē tā ba x^varšēd jōš «из-за пыли, [поднятой] войском, воздух стал невидимым, бушевание достигало (букв.: поднималось до) [самого] солнца» (из «Рассказа о семи привалах/подвигах Рустама: Возвращение Кавуса в Иран и отправление Рустама в Систан»).

Ču bēdād ō dādgar bar nadāšt jak-ē dādgar-rā bar ō bar gumāšt «поскольку он, неправедный (Захак), не (вос)принимал справедливого Судью, то определил ему [Бог] одного справедливого судью (Фаридуна)» (из «Сказания о двенадцати поединках: Гударз и Пиран заключают договор о войне одиннадцати поединков»).

Yak-ē ō-vu dah nāmdārān-i Čīn hamē bar darridand rō-yi zamīn «он — один и десять прославленных китайцев рвали друга друга на земле» (из «Рассказа об обучении Барзю атлетическому искусству туранскими главами»).

Эти примеры можно было бы существенно умножить, особенно при обращении к другим авторам, но мы ограничимся лишь одним добавлением из Руми:

Čun xudā andar nauāyad dar ‘ayān nāyib-i haqq-and īn rauyāmbārān «поскольку Господь не выступает в видимой форме, то сии посланцы суть доверенные Истинного» (Руми. Маснави. Первая тетрадь: «Как община Иисуса, мир ему, спрашивала у правителей: „который из вас — преемник?“»).

Выделим интересующие нас глагольные формы (приставочных глаголов):

Настояще-будущее время с *hamē*, следующим за глаголом: *dar ārad hamē*, *bar āyad hamē*.

Настояще-будущее время с *hamē*, стоящим перед глаголом: *hamē andar āyad*, *hamē andar ārad*.

Прошедшее время с *hamē*, предшествующим глаголу: *hamē dar guzašt*, *hamē bar darridand*.

Прошедшее время с *hamē*, следующим за глаголом: *andar āmad hamē*, *bar āmad hamē*.

Настоящее и прошедшее время с отрицанием: *andar nauāyad*, *dar nauāmad*, *bar nadāšt*.

Приведенные примеры подтверждают, что *hamē* может как непосредственно предшествовать приставочному глаголу, так и следовать за ним. При этом в приведенных выше случаях *hamē* не «разрывает» целостность глагола и нигде не вклинивается между словообразующим префиксом и собственно основой. Однако то, что этот префикс полностью не слился с основой и сохранил определенную независимость, подтверждается формами с отрицанием обоих времен, в которых префикс отрицания *na-* стоит между словообразующим префиксом и основой.

В процессе эволюции новоперсидского языка и его разделения на три формы: современный персидский язык (Ирана), язык дари Афганистана (афгано-персидский) и таджикский язык Средней Азии префиксальные глаголы претерпели изменения, по крайней мере на уровне их диалектов. Так, в персидских говорах Ирана словообразующие префиксы не только сохранили независимость, но и как будто приобрели

еще большую по сравнению с языком ранней классической литературы самостоятельность. Если в приведенных выше примерах *hamē* предшествует глаголу с префиксом или следует за ним, но не вклинивается между словообразующим префиксом и основой, то в современном персидском языке Ирана *mī-*, происходящий из *hamē*, всегда стоит между ними.

В диалектах дари и таджикских число приставочных глаголов резко ограничено по сравнению даже с современными персидскими диалектами. Так, авторы раздела языков персидского, дари и таджикского в многотомном труде «Основы иранского языкознания» справедливо отмечают: «Круг употребления превербов⁷⁸ (количество сочетающихся с ними глаголов) наиболее широк в классическом персидско-таджикском языке. В современных языках он сузился, причем, если верить словарям, в таджикском языке и в афганском дари приставочных глаголов значительно меньше, чем в современном персидском» (ОИЯ 1982: 146).

Несмотря на непродуктивность этих словообразующих префиксов в таджикском и дари, в диалектах обоих этих близкородственных языков имеется ограниченное число крайне употребительных префиксальных глаголов. Их принципиальное отличие от соответствующих глаголов в персидских диалектах состоит в том, что словообразующие префиксы в них составляют неотъемлемую часть глагольной основы и не отделяются от нее формообразующими префиксами *mê-*, *bi-/bə-* и *na-*⁷⁹. Речь идет прежде всего о широко употребительных практически во всех диалектах дари и таджикского глаголах: *darâmadan* (тадж. *daromadān*) «входить», *darâwordan* (*darovar-dan*) «вводить вовнутрь», *wardâstan* (*bardoštan/vardoštan*) «брать, приподнимать», *barâmadan* (*baromadān*) «выходить, выступать наружу», *barâvordan* (*barovardan*) «вытаскивать», а также некоторых других, присущих лишь отдельным говорам. Продемонстрируем это на примерах. Обратимся к таджикским диалектам, начиная с северных. Таково спряжение глаголов *baromadān* и *daromadān* в бухарском говоре в настояще-будущем времени⁸⁰:

1 л. ед.ч.	<i>mêburoṃ</i>	1 л. мн.ч.	<i>mêburoêṃ</i>
2 л. ед.ч.	<i>mêburoi, mêburoêd/mêburoêt</i>	2 л. мн.ч.	<i>mêburoêton</i>
3 л. ед.ч.	<i>mêburod/mêburot</i>	3 л. мн.ч.	<i>mêburon</i>
<hr/>			
1 л. ед.ч.	<i>mêdarom</i>	1 л. мн.ч.	<i>mêdaroêṃ</i>
2 л. ед.ч.	<i>mêdaroi, mêdaroêd/mêdaroêt</i>	2 л. мн.ч.	<i>mêdaroêton</i>
3 л. ед.ч.	<i>mêdaroyad/mêdarot</i>	3 л. мн.ч.	<i>mêdaron</i>

Приведем еще отдельные примеры из других таджикских диалектов:

Рогские говоры:

dar-a ela kadām ki šamol baderoya «я открыла двери, чтобы проникал ветерок» (Богорад 1956: 183).

⁷⁸ Другое обозначение словообразующих префиксов см. выше.

⁷⁹ В книжно-литературном дари еще не установилась единой нормы применительно к префиксальным глаголам, поэтому в нем возможны варианты использования *mê* и *na-* с этими глаголами как результат литературных предпочтений авторов и влияния на них персидского языка Ирана. Но наша статья посвящена ситуации в живых диалектах.

⁸⁰ Примеры заимствованы из книги: Керимова 1959: 32–33 (здесь и далее в статье кириллическая транскрипция заменена латинской).

Пенджикентский говор:

Vazir guft ki “e, taqsir poššo, tu dúra meburori, ayb-as” «о, господин падишах! Ты выносишь жемчуга, это — стыдно» (Иванова 1956: 297, № 159);

Hejjo naburomat akoš «никуда не выходили его братья» (Там же: 296, № 103);

Kal guft: “ne, hejjo-ba nadaromadim” «плешивый сказал: „Нет, никуда не заходил“ (букв.: мы не заходили)» (Там же: 305, 308, № 52);

Ràh-ba yagon jò-ba medaroyi «ты по дороге куда-нибудь заходишь?» (Там же: 306, № 90);

A haminja — guftan, — kallo a kaduča meburòn-u duzdòya došta mekùvan... «тогда плешивые выйдут из тыквочки и, схватив воров, побьют (их)...» (Там же: 306, 309, № 98).

Аштский говор:

man berun mebarom «я выйду наружу» (Расторгуева 1963: 43).

Варзобский:

Bolo ná-mebaroyi šini? «ты не поднимешься наверх посидеть?» (Там же: 43);

Šor sum mebaro «получится четыре рубля» (Там же: 44);

Ba man šùxi ná-kun, man šùxi ná-mebardoram «со мной не шути, я не переносу шуток» (Там же: 41).

Кассансайский:

dovúšeton ʔalati mebürod «крик у вас выходит странный» (Там же: 44).

Ленинабадский:

bozičáya berun-ba ná-büror! «не выноси наружу игрушку» (Там же: 42).

Хиштонинский:

Devori gázitâ mebârorâm-ü mebiyom «выпущу стенную газету и приду» (Там же: 42);

Dandun mebarora «у него прорезываются зубы» (Там же: 42).

Канибадамский:

gâpi odam-ba na-medarot! «не слушается» (Там же: 81).

Для полноты картины приведем еще несколько примеров из южных диалектов:

Верхневанджский говор:

Gulbibí, či masqargí mekardí, ba kor nabaromadí? «Гульбиби, ты что дурака валяешь, не вышла на работу?» (Розенфельд 1964: 59);

Alób mekiní, düx mebroya «разведешь огонь, пойдет дым» (Там же: 68).

Дарвазские говоры:

Xoki qadamət va dida mevardoštəm «я клал пыль от твоих ног [себе] на глаза» (Розенфельд 1962: 129, № 23, пер. наш);

Tu noz nakun, ki mo namebardorim «не кокетничай, так как мы не переносим [кокетства]» (Там же: 148, № 136, пер. наш);

Óvózaš mebroya úgam zənək megirád «сначала звук его (грузовика) слышится, потом он затихает» (Розенфельд 1956: 231, № 75);

Agronómi rayšélk xadəš pul mebrorá dod «агроном райшелка сам вынет и даст денег» (Там же: 238, № 38).

Бадахшанские говоры:

Áidí bohór, qulbámon mebaroyá, šuguní médroya «праздник весны, начинается пахота, наступает Новый год» (Розенфельд 1971: 41);

Šamól méxeza, xóka mébardora, yubús mešavád «поднимается ветер, сметает землю, становится пыльно» (Там же: 44).

В диалектах дари Афганистана (за исключением расположенных на крайнем северо-западе страны и принадлежащих к хорасанской группе персидских диалектов) наблюдается та же картина: *mê-* и *na-* предшествуют словообразующим префиксам *dar-* и *bar-/war-*. Поскольку вопрос этот внятно освещен Р. Фархади в его книге «Разговорный фарси в Афганистане», ограничимся образцами спряжения (личными формами) глаголов *darâmadan*, *barâmadan* и *wardâštan* из самого показательного диалекта региона — кабульского, приводимыми в этой книге: *medrâyom*, *mebrâyom*, *namebrâyom*, *mêwardârom*, *namêwardârom*⁸¹ (Фархади 1974: 118–119)⁸².

В персидских диалектах Хорасана, как и вообще в персидских диалектах Ирана, отмечается противоположная ситуация — формообразующие префиксы «вклиниваются» между словообразующими префиксами и глагольной основой. Причем, поскольку хорасанские диалекты — это не только те, что распространены в Северо-Восточном Иране, но и бытующие в Северо-Западном Афганистане, то и им присуще данное явление. Продемонстрируем это на примере глагола «брать, (при)поднимать» в гератском диалекте⁸³:

Настояще-будущее время (включая форму с отрицанием)

1 л. ед.ч.	war-midârom	1 л. мн.ч.	war-midârim/vor-midârim
2 л. ед.ч.		2 л. мн.ч.	
3 л. ед.ч.	war-midâre/vər-midârə, war-namêdâre	3 л. мн.ч.	

Повелительное наклонение с отрицанием: *vor-nadâr*.

Прошедшее (форма с отрицанием) и прошедшее длительное время

1 л. ед.ч.	war-midîštom	1 л. мн.ч.	war-midîštim
2 л. ед.ч.		2 л. мн.ч.	
3 л. ед.ч.	var-midîš, vor-nadîš	3 л. мн.ч.	

В хорасанских диалектах как на территории Ирана, так и Афганистана отмечено большое количество префиксальных глаголов, многие из которых не встречаются в книжно-письменном персидском языке и в тегеранском диалекте, однако представленный выше в таблицах глагол, пожалуй, наиболее распространенный из всех глаголов данной категории. Он используется с небольшими фонетическими различиями практически во всех говорах персидского, дари и таджикского диалектного массива, поэтому он наиболее показателен в интересующем нас аспекте. Обратимся к тому же

⁸¹ Транскрипция слегка изменена.

⁸² Ср.: Фархади 1974: 139–140, 148.

⁸³ Примеры из гератского диалекта собраны из текстов, записанных нами в Афганистане в ходе полевых исследований и изданных в ряде работ.

глаголу в кайенском диалекте (г. Кайен расположен в южной части иранского Хорасана), представленному в таблице:

	Настоящее время	Прошедшее длительное	Будущее время
1 л. ед.ч.	vār-medārom ⁸⁴	vār-medâštom ⁸⁵	va-xom dâš ⁸⁶
1 л. мн.ч.			vār-xâ dâšt-em ⁸⁷

Приведем для сравнения некоторые показательные личные формы глагола «брать, приподнимать» в мешхедском диалекте (Massé 1925: 108, 115)⁸⁸: var-mâdarôm (1 л. ед.ч. наст. вр.), var-nâdâš (3 л. ед.ч. прош. вр. с отрицанием), в бирджандском (Ivanow 1928: 256, 321): var-nadîštâ-ye (3 л. ед.ч. перфекта с отрицанием), wâr-nedârî (2 л. ед.ч. сосл. накл. с отрицанием) и отдельные образцы спряжения некоторых других префиксальных глаголов из разных хорасанских говоров:

Гератский: war-nemiâya — 3 л. ед.ч. наст. вр. гл. «подниматься (о тесте)» с отрицанием, dar-miâye — 3 л. ед.ч. наст. вр. гл. «входить» (в какое-либо состояние);

Бирджандский: dâr-miâd (Ivanow 1928: 255)⁸⁹ — 3 л. ед.ч. наст. вр. гл. «выходить»;

Мешхедский: dâr-mârâftân (Massé 1925: 120) — 3 л. мн.ч. прош. длит. гл. «убегать»;

Кайенский: dâr râ dâ-nâbandi (<dâr-nâbandi)/dâr râ dâ-maban (Zomorrodian 1974: 111, 112) «не закрывай дверь».

Сопоставление кабульского и гератского вариантов поговорки с глаголом bar-âmadan наглядно иллюстрирует различие в местоположении префиксов:

Кабульский диалект: هرچیزیکه ده دیگ اس ده چمچه میبارایه (Rabin 1364: 32) (h)ar çiz-ê ke da dêg as da çamča mēbarāya «все, что в котле, выходит наружу посредством половника», ср. гератский: هرچه به دیگ باشه به چولی برمیایه (h)ar çî be dig bâše be çöuli bar-miâye⁹⁰.

Вышеприведенные примеры из хорасанских диалектов убедительно свидетельствуют о том, что развитие префиксальных глаголов в них пошло по той же линии, что и в других персидских диалектах на территории Ирана и принципиально отлично от развития тех же глаголов в говорах таджикских и дари Афганистана (за исключением бытующих на северо-западе страны и лингвистически относящихся к хорасанской группе диалектов). Это значимое для диалектной классификации отличие выражается в том, что формообразующие префиксы в хорасанских говорах ставятся в личных формах глаголов между словообразующими префиксами bar-/var-(war-, va-, vor-),

⁸⁴ Zomorrodian 1974: 93. Здесь и далее транскрипция слегка изменена.

⁸⁵ Ibid.: 97.

⁸⁶ Ibid.: 93. В диалектах Южного Хорасана Ирана используются формы будущего времени, схожие с будущим категоричным временем книжно-письменного персидского тем, что вспомогательным глаголом в них выступает “xâstân”. Их отличие от последнего выражается в том, что личные окончания в них в формах множественного числа присоединяются не к этому вспомогательному глаголу, а к смысловому глаголу. Однако для нас существенно то, что вспомогательный глагол при всех случаях «вклинивается» между префиксом и основой, что подчеркивает относительную самостоятельность префикса.

⁸⁷ Zomorrodian 1974: 97.

⁸⁸ Здесь и далее транскрипция слегка изменена.

⁸⁹ Транскрипция слегка изменена.

⁹⁰ Поговорка в гератском варианте была записана для нас в Афганистане носителем гератского диалекта в числе других гератских пословиц в арабграфичной транскрипции. Латинская транскрипция условна.

da(r)- и собственно основой, тогда как в говорах таджикских и дари словообразующие префиксы в данных глаголах неотделимы от основы⁹¹.

4. Еще одним четким различием в области глагола между говорами афгано-таджикской и хорасанской групп выступает наличие причастий на -gi в первой группе и их отсутствие во второй. Относительно таджикских диалектов Расторгуева пишет: «Особую группу новообразований в системе неличных форм глагола составляют причастия с суффиксом -gi. Количество причастий такого типа в разных говорах неодинаково: от двух (причастие прошедшего и причастие настояще-будущего времени) до трех... и даже до четырех... Наиболее простым по составу и, по-видимому, наиболее ранним по времени своего возникновения среди них является причастие прошедшего времени: *gaftagi* 'ушедший', *xondagi* 'читавший', 'прочитанный'» (Расторгуева 1964: 97). Отметим, что последний пример совмещает в себе значение активного и пассивного причастий. О распространенности этих причастий данный автор говорит следующее: «Причастие на -gi прошедшего времени зафиксировано во всех говорах, кроме дарвазских и ванджских» (Там же). «По-видимому, — поясняет Расторгуева в примечании, — этот вопрос (об отсутствии причастий в этих говорах, со ссылкой на работу Розенфельд 1956. — Ю.А.) нуждается в дополнительном исследовании» (Там же: примеч. 153). «Однако на юге [Таджикистана причастие]... употребляется значительно реже, чем на севере и в центральной части Таджикистана» (Там же). Нам представляется, что впечатление о большей редкости его использования создается из-за сужения сферы грамматических функций данного причастия от севера к югу, с чем трудно не согласиться, так как южнее Таджикистана — в диалектах дари Афганистана, по крайней мере в кабульском, оно активно используется преимущественно в одном лишь качестве — пассивного причастия от переходных глаголов. Поскольку данный вид причастий в таджикском и его диалектах подробно описан в соответствующих работах, то мы сразу же перейдем к кабульскому диалекту дари.

Как указывает Фархади, суффикс -(a)gi в этом диалекте усиливает пассивное значение причастия: *dâdagi* «данный», *bordagi* «унесенный». Ср. причастия сложных глаголов: *roxta kadagi* «сваренный», *jodâ kadagi* «отделенный» (Фархади 1974: 157). Оно используется в функциях определения и предиката: *čâ-ye kândagi-ra por kadêm* «мы закопали выкопанную яму», *i peran bâftagi* «эта куртка — вязаная» (Пахалина 1968: 58). Ср. пример из народной поэзии: *agaxčîn-e sar-et barčendagi šod* (Sho'ur 1974: 101)⁹² «твой женский головной убор снят/сложен».

Отличие хорасанских диалектов состоит в том, что в них причастия на -gi не используются, а вместо них в тех же двух функциях представлены обычные для стан-

⁹¹ Объективности ради отметим, что, несмотря на общую тенденцию к тому, что к западу от ареала распространения афгано-таджикских диалектов, начиная с Северо-Западного Афганистана, словообразующий префикс не составляет в персидских говорах неотделимую часть глагольной основы, на крайнем северо-западе иранского лингвистического ареала эта тенденция нарушается. Так, в татских диалектах Кавказа, ближайших юго-западным диалектам к персидским, словообразующие суффиксы аналогично говорам таджикского и дари неотделимы от основы. Ср. глагол южн. *dÿrmârân*, сев. *diŋmoge* «выходить» (ср. кл. перс. *dar âmadan*): *ya ædamî midÿrmaræn æ dær ou* «какой-то человек выходит из воды» (Грюнберг 1963: 32), южн. *dÿrvârdân* «извлекать» (ср. кл. перс. *dar âvardan*): *pul bâ jîb mân birân bumiduardÿm, midârÿm* «если б у меня в кармане были деньги, я бы выгасил и дал» (ОИЯ 1982: 277). Но татские диалекты, при всей их близости к персидским, выходят за пределы персидско-дари-таджикского языкового массива, а потому не могут повлиять на выводы нашей статьи.

⁹² Арабиграфичная транскрипция заменена на латинскую.

дартного персидского языка причастия прошедшего времени на *-a/â/ə/ε/e*. Ни в одном из известных нам исследований по хорасанским диалектам причастия на *-gi* не упомянуты, если не считать туманного замечания Иванова о наличии якобы глагольных форм на *-gi* в бирджандском диалекте «в значении латинского герундива», которые этот автор называет «причастиями» на *-gi*, признаваясь, правда, что ни одного примера их употребления он привести не может (Ivanow 1928: 252). По нашему мнению, данный исследователь принял за «причастия» отглагольные существительные в значении имени действия или качества, использующиеся в персидском языке и его диалектах, такие как *rasidegi* «расследование», *časpidegi* «липкость» и т.п., и которые причастиями не являются. Ни в одном из опубликованных Ивановым текстов на бирджандском или другом хорасанском диалекте этот вид причастий не встречается. Резаи в подробном перечне суффиксов этого диалекта причастий прошедшего времени на *-gi* не упоминает (Rezaee 1998: 141–161). Зато он приводит примеры «обычных» для персидского языка причастий на *-a/â/ə/ε/e*: *boridə, zadə, šostə, eškastə, roftə* и т.п. (Там же: 153), а также существительных на *-gi*, о которых говорилось выше: *mondegi* «усталость», *darmondegi* «изнеможение» (в одном ряду с *zendegi, tošnegi*) и т.п. (Там же: 151), что лишь подтверждает наше предположение о том, что именно их имел в виду Иванов, говоря о «причастиях на *-gi*». Не упоминает их и автор исследования системы глагола в кайенском диалекте — Зоморродиан, как и Массэ применительно к мешхедскому говору. В его текстах на этом диалекте подобные причастия также не встречаются, однако нами зафиксирован единичный случай «обычного» персидского причастия на *-e* в функции определения⁹³: *toxm-morġ-â rōxte*⁹⁴ (Masse 1925: 103) «варенные куриные яйца» (ср. по контрасту *roxta kadagi* «сваренный» в кабульском диалекте).

В завершение этой части остановимся на гератском диалекте, в котором также отсутствуют причастия на *-gi*, но активно используются в двух функциях — определения и предиката причастия на *-a/â/ə/ε/e*: *xat-e säyr dâra* — *yak xat-e safêdkâšide*-ye «[на состязании по козлодранию] есть маршрут — обозначенная белым цветом линия», *xub kofte*-yi *sorxkade* (<*sorxkarde*) *miâye* «получатся хорошо прожаренные котлеты»; *dasmâl-e gardan-i am ba gardan andâxte*-ye «его шарф накинут ему на шею», *nesf-e otâġ hama lal be jâ*-ye *ġâlin amitô* (<*hamin towr*) *rêxte*-ye «половина комнаты выложена яхонтами вместо ковра», *ar du rân-e inâ morkarda*-ya (<*mohrkarde ast*) «на бедрах обоих выжжено клеймо», *did, ama pâk, pâkize, tamizkade* (<*tamizkarde*), *öupâšikade* (<*âb-pâšikarde*) *ta öuli az i* «он увидел, что внутри двора все чисто, опрятно, вычищено, побрызгано водой».

Подводя итог этой части, можно констатировать, что, в отличие от говоров афгано-таджикской группы, в хорасанских диалектах (аналогично диалектам западной группы) неупотребительно причастие на *-gi*⁹⁵. Эта черта также служит одним из дифференцирующих признаков данной группы по отношению к восточной группе.

⁹³ Речь не идет о причастиях на *-e* в составе перфектных форм или в функции деепричастий.

⁹⁴ Транскрипция несколько изменена.

⁹⁵ В диалектах западной группы употребительны причастия на *-e* типа *kârkarde* «бывший в употреблении (товар)», *ġušt-e čarxkarde* «молотое мясо, фарш». Справедливости ради укажем на исключение из этого правила — причастие с суффиксом *-gi* в тегеранском диалекте: *sâxtegi* «поддельный». Однако это то исключение, которое подтверждает правило.

5. Значимым различительным признаком в сфере предлогов между этими группами выступает использование в афгано-таджикских говорах предлога совместности и инструментальности *kati/qati*, представленного с незначительными фонетическими изменениями практически во всех диалектах таджикского и дари, в которых он активно вытесняет употребляемый в литературно-письменной речи *bâ* (тадж. *bo*) (Расторгуева 1964: 116). В варзобском говоре таджикского он используется вместе с *bo* как составная часть сложного предлога или как послелог: *bo katiî man* «со мной», *bo dâstam-kati* «моей рукой» (Там же). В силу большей изученности таджикских говоров мы не будем останавливаться на них, а перейдем сразу к дари и его кабульскому диалекту.

Интересующий нас предлог *kati/kat-e/qat-e/qati* широко представлен в кабульском диалекте и в наддиалектном койне на основе кабульского говора, используясь как в обыденной речи, так и в народной поэзии: *kat-e tu = kat-et/katit* «с тобой», *kat-e çâqu/kati çâqu* «ножом» (Фархади 1974: 103). Таким образом, в дари предлог имеет и формы, в которых конечный гласный звук может осмысливаться как *изафет*. Не занимаясь в этой статье специально вопросами этимологии, отметим, что Фархади полагал *kat* этимологически связанным с кабульским *gat* «совместный, смешанный» (Там же). Фархади также указывает на то, что *bâ* встречается лишь в народной поэзии Кабула (Там же). Однако если судить по сборнику народной поэзии дари *ترانه های کهسار*, то и в ней он представлен крайне незначительно, так как его полностью заменяет *kati/kat-e/qat-e/qati*. Приведем несколько примеров (строк) из этого сборника в нашей латинской транскрипции:

Kati yâr-e jân konom sât-e hod-a têt (Sho'ur 1974: 128) «повеселюсь-ка я с дорогой мне подругой!»;

Kati yâr âmadom, bê yâr mêrom (Там же: 188) «пришел/приехал с подругой, ухажу/уезжаю без подруги»;

Kat-e ma wâdahâ kardi, gol-e man (Там же: 240) «ты давала мне (букв.: со мной) обещания, цветок мой»;

Katit âšti konom, ô yâr-e jangi (Там же: 322) «помириться бы мне с тобой, эй, воинственная подруга!»;

Qati rânzda nafar Kâbol rawân-i (Там же: 241) «вместе с пятнадцатью человеками направляешься ты в Кабул».

В хорасанских диалектах, начиная с гератского, и не только в них, этому предлогу соответствует внешне схожий или даже совпавший с возвратным местоимением *hod* предлог, представленный несущественно разнящимися фонетическими вариантами. Не случайно Иванов, первый обративший на него внимание, ошибочно принял его за возвратное местоимение в функции предлога, справедливо при этом указывая на его широкое использование в диалектах Хорасана в целом, особенно среди парсиванов⁹⁶ Афганистана в значении предлога *bâ* (Ivanow 1923: 33, также note 2). Среди персидских диалектов предлог этот также имеется в систанском, керманском и ряде других. Однако его использование выходит за пределы диалектов юго-западного типа и от-

⁹⁶ «Парсиваны/фарсиваны» — в широком значении синоним «таджиков», «персов» и обозначение всего персо-дари-таджикоязычного населения региона от Ирана до Средней Азии. В узком значении — самоназвание и обозначение персоязычного населения Северо-Западного Афганистана, этнически и лингвистически являющегося продолжением персов иранского Хорасана. Нам представляется, что Иванов имел в виду второе значение термина.

мечено и в тех, что именуются «диалектами Центрального Ирана» и обладают признаками северо-западных диалектов⁹⁷. Несмотря на сходство с возвратным местоимением, речь идет именно о самостоятельном предлоге, не связанном с местоимением. Вопрос его происхождения мы здесь рассматривать не будем, отметив лишь, что И.М. Оранский не исключал этимологической связи этого предлога с *kati/qati* в говорах таджикских и дари, а также с осетинским (дигорским) *xässä* (Оранский 1976: 154–155, примеч. 11). Но мы обратимся к хорасанским говорам персидского и прежде всего к гератскому.

Его использование в данном диалекте в форме *xud(-i?)* в функции предлога со значением «совместности» (синонимичным предлогу *bâ*) отмечено Ивановым еще в раннесредневековом трактате «Табакат ас-суфийа», составленном из изречений выдающегося гератского мистика и комментатора Корана А. Ансари, с существенными вкраплениями диалектной речи. Иванов приводит два примера из текста памятника: *او نکويد و خود هیجکس جون او نکويد* *va xud hič kas čun ū/ō nağōyad* «и ни с кем как он/тот (как с ним/тем?) не говорит» (Ivanow 1923: 33)⁹⁸, *ارنه خود سه بودند*, *ar na xud si/sa būdand* «если же нет, то их в совокупности (вместе с еще одним) было бы четверо»⁹⁹.

В современном гератском диалекте, как показало наше исследование данного диалекта, этот предлог, представленный наиболее регулярными своими вариантами: *xod-e/xodê/xod/xəd-e/xədə*, выполняет те же функции, что и *bâ* в литературном персидском, дари и таджикском, а также *kati/kat-e/qat-e/qati* кабульского и других диалектов дари и таджикского, используя в двух основных грамматических значениях:

а) совместности: *ami âhu-g am šekâr kadam, xod-e zan-o bača xo âli mirom i roxta mi kopom* «я застрелил эту газель на охоте, теперь пойду и вместе с женой и детьми приготовлю ее на обед», *emšōu bəst, mā jāy am næmirim, sob xod-e bače-ye me borō* «сегодня вечером оставайся [дома], мы тоже никуда не идем, а наутро отправляйся с моим сыном»;

б) инструментальности: *rāuâ xo-g bə saxti xəd-e dandânâ xo wâ kad* «он с трудом зубами развязал [веревки] на своих ногах», *inâ xod rā m³xorē čay* «они пьют чай при помощи ног».

Применительно к диалектам иранского Хорасана этот предлог известен прежде всего по работам Иванова. В последних он приведен в формах: *xud/xod/xot/xude*. Ученый отмечает, что *xud* выступает здесь эквивалентом *bâ* «с». Так, *xude qâfilâ umad* означает не «прибыл сам караван», а «он прибыл с караваном», *xude ū* переводится не как «он сам», а как «с ним» и т.п. В Сабзеваре, пишет Иванов, можно услышать *xot mi*, что значит «с нами» (Ivanow 1923: 33, note 2; Ivanow 1925: 256; Ivanow 1928: 254–255). Приведем и другие примеры: (сабзеварский говор): *xad-xad-eš harf (gar) meza* «говорил сам с собой» (Шафаи 1979: 28), (бирджандский): *xud ham* «друг с другом» (Ivanow 1928: 268). На бирджандском диалекте остановимся несколько подробнее, так как он был после Иванова еще описан и иранскими исследователями. Резаи предупреждает, что предлог этот — *xod* — не следует путать с возвратным место-

⁹⁷ Например, в диалектах зороастрийцев Йезда и Кермана и др. См. (Иоаннесян 2015: 149–150).

⁹⁸ Здесь и далее транскрипция и перевод наши. Последний носит условный характер, так как вне контекста трудно точно определить, о чем идет речь. Однако то, что оба примера содержат предлог совместности, как верно установлено Ивановым, не подлежит сомнению.

⁹⁹ Такой перевод кажется странным, но мы здесь следуем за Ивановым, который лучше знал контекст и передал фразу по-английски так: “if not, they would be four altogether (he himself and three others)”.

имением, который без изафетного показателя имеет в бирджандском диалекте (как и в гератском. — Ю.И.) форму *xō/ho* (Rezaee 1998: 208–209 (тж. примеч. 1)). Он приводит примеры употребления предлога:

1) в значении совместности: *bābâ xod mēmā beraftan* «отец с матерью ушли», *Mammad xod Agbar dust-e jōnā jōniyan* «Мамад с Агбаром — закадычные друзья» (Rezaee 1998: 225)¹⁰⁰, *xod mā beyâ* «иди со мной» (Там же: 235);

2) в значении инструментальности: *xod qalam beneveštom* «я написал ручкой», *zami-r xod bēl bekulide* «он вспахал землю лопатой» (Там же: 235), *Ali xod māši beraf be Mašad* «Али отправился в Мешхед на машине» (Там же: 225).

Ср. также пример, приводимый З. Аббаси (Abbâsi) из того же диалекта: *šohær-i¹⁰¹ har ruz xod-i oqât tælxi mekerd* (Abbâsi 1394: 49)¹⁰² «ее муж был каждый день с ней в плохом настроении».

Таким образом, литературному персидскому предлогу *bâ* и *kati/kat-e/qat-e/qati* говором афгано-таджикской группы в хорасанских соответствует *hod(-e)*, представленный фонетическими вариантами.

Далеко не исчерпав всех существенных признаков различия между хорасанской и афгано-таджикской группами¹⁰³, подытожим те из них, что рассмотрены в этой статье:

Восточная группа диалектов: Афгано-таджикские говоры	Центральная группа диалектов: Хорасанские говоры
Переход исторически краткого и долгого <i>i</i> в маджгульный <i>e</i> перед <i>h</i> и <i>'</i> .	Отсутствие перехода исторически краткого и долгого <i>i</i> в маджгульный <i>e</i> перед <i>h</i> и <i>'</i> .
Фонологическая оппозиция согласных <i>q</i> и <i>ɣ</i> в качестве двух самостоятельных фонем.	Отсутствие фонологической оппозиции звуков <i>q</i> и <i>ɣ</i> и наличие одной фонемы, соответствующей двум — [q] и [ɣ] в афгано-таджикских говорах.
Неотделимость от основы в ряде широкоупотребительных глаголов словообразующих префиксов <i>bar-/var-/war-</i> , <i>dar-</i> и постановка формообразующих префиксов перед ними.	Отделимость от основы в данных глаголах соответствующих словообразующих префиксов и постановка формообразующих префиксов между словообразующим префиксом и основой.
Наличие причастий на <i>-gi</i> .	Отсутствие причастий на <i>-gi</i> .
Наличие предлога <i>kati/kat-e/qat-e/qati</i> , соответствующего <i>bâ</i> литературного персидского, дари и таджикского языков.	Отсутствие предлога <i>kati/kat-e/qat-e/qati</i> и соответствие ему предлога <i>hod(-e)</i> с незначительными фонетическими вариантами.

Эти же черты, отличающие хорасанские диалекты от афгано-таджикских, объединяют первые с персидскими диалектами западной группы (применительно к предлогу с оговорками), однако рассмотрение пунктов схождения между хорасанскими и западными диалектами не входило в задачу данной статьи.

¹⁰⁰ Транскрипция слегка изменена, подчеркнута нами.

¹⁰¹ *-i* — энклитическое местоимение 3 л. ед.ч. в хорасанских и некоторых других диалектах.

¹⁰² Транскрипция изменена.

¹⁰³ Они суммарно рассмотрены в указанных в начале этой статьи наших работах.

Литература

- Богоград 1956 — *Богоград Ю.И.* Рогские говоры таджикского языка // Труды Института языкознания. Т. VI. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 133–195.
- Богоград 1963 — *Богоград Ю.И.* Горонский говор таджикского языка // Иранский сборник. К семидесятипятилетию проф. И.И. Зарубина. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 44–59.
- Грюнберг 1963 — *Грюнберг А.Л.* Язык североазербайджанских татов. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
- Иванова 1956 — *Иванова С.Ю.* Материалы по пенджикентскому говору // Труды Института языкознания. Т. VI. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 281–342.
- Иоаннесян 1995 — *Иоаннесян Ю.А.* Место гератского среди диалектов дари-персидского языкового массива. Вып. VII. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1995. С. 224–242.
- Иоаннесян 1998 — *Иоаннесян Ю.А.* Изучение и основные специфические черты хорасанской группы диалектного массива языков персидского, дари и таджикского // Страны и народы Востока. Памяти А.Л. Грюнберга / Под общей ред. акад. М.Н. Боголюбова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. Вып. XXX. С. 62–82.
- Иоаннесян 2015 — *Иоаннесян Ю.А.* Некоторые общие особенности ряда персидских и других западных иранских диалектов, отраженные в языке «Табакат ас-суфийа» А. Ансари // На пастбище Мысли Благой. Сб. статей к юбилею И.М. Стеблин-Каменского. СПб.: Контраст, 2015. С. 141–153.
- Керимова 1959 — *Керимова А.А.* Говор таджиков Бухары. М.: Изд-во восточной литературы, 1959.
- Махмудов 1978 — *Махмудов М.* Лахчахои тоҷикони райони Китоҷ. Душанбе: Дониш, 1978.
- Мурватов 1982 — *Мурватов Ч.* Шеваи чанубии забони тоҷики. Ч. 5. Душанбе, 1982.
- ОИЯ 1982 — Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки / Отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Наука, 1982.
- ОИТИИЯ 1975 — Опыт историко-типологического исследования иранских языков (ред. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.). Т. I: фонология, эволюция морфологического типа. М.: Наука, 1975.
- Оранский 1976 — *Оранский И.М.* Тадж. kati/gati — осет. (диг.) хӕссӕ // Иранское языкознание. История, этимология, типология (к 75-летию проф. В.И. Абаева). М.: Наука, 1976. С. 148–159.
- Пахалина 1964 — *Пахалина Т.Н.* К характеристике кабульского просторечия // Индийская и иранская филология. М.: Наука, 1964.
- ПРС 1985 — Персидско-русский словарь. В 2 томах / Ред. Рубинчик Ю.И. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1985.
- Расторгуева 1963 — *Расторгуева В.С.* Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 5. Таджикско-русский диалектный словарь. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
- Расторгуева 1964 — *Расторгуева В.С.* Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М.: Наука, 1964.
- Розенфельд 1956 — *Розенфельд А.З.* Дарвазские говоры таджикского языка // Труды Института языкознания. Т. VI. М., 1956. С. 196–272.
- Розенфельд 1960 — *Розенфельд А.З.* Говоры Каратегина // Труды Института языка и литературы АН Тадж. ССР. Т. ХСIII. Сталинабад: АН Тадж. ССР, 1960.
- Розенфельд 1962 — *Розенфельд А.З.* Намунаҳои фольклори Дарвоз. Вып. 2. Душанбе, 1962.
- Розенфельд 1964 — *Розенфельд А.З.* Ванджские говоры таджикского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964.
- Розенфельд 1971 — *Розенфельд А.З.* Бадахшанские говоры таджикского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
- Розенфельд 1982 — *Розенфельд А.З.* Таджикско-русский диалектный словарь. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.

- СТФ 1981 — Свод таджикского фольклора. Т. 1. Басни и сказки животных (подготовили Левин И., Рабиев Дж., Явич М.). М.: ГРВЛ, 1981.
- Соколова 1949 — *Соколова В.С.* Фонетика таджикского языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.
- Успенская 1956 — *Успенская Л.В.* Каратагский говор таджикского языка. Сталинабад: Изд-во Акад. наук Таджик. ССР, 1956 (Труды/ Акад. наук Таджик. ССР. Ин-т языка и литературы. Т. 46).
- Фархади 1974 — *Фархади [А.]Р.* Разговорный фарси в Афганистане. Пер. с французского Б.Я. Островского. М.: Наука, 1974.
- Шафаи 1979 — *Шафаи А.М.* О некоторых фонетических, лексических и морфологических особенностях сабзеварского диалекта // Всесоюзная научная конференция «Проблемы иранской филологии» (Баку, 1977). Баку, 1979. С. 26–28.
- Abbâsi 1394 — *Abbâsi Z.* Namund vâžegâni-ye af'âl-e morakkab dar guyeš-e birjandi // *Majalle-e zabânšenâsi va guyešhâ-ye Xorâsân.* Mašhad: Dânešgâh-e Ferdowsi, No. 13 (pâyiz-o zemestân 1394). С. 39–60.
- Afghani Nawis 1985 — *Afghani Nawis A.* Loghât-e 'Âmiyâna-ye Fârsi-ye Afghânestân. Bâ takmela-ye az H. Farmand [A Dictionary of Afghan Persian Slangs, with a Supplement by H. Farmand]. Kabul: Government Printing Press, 1985.
- Fikrat 1976 — *Fikrat M.A.* Loghât-e Zabân-e Goftâri-ye Herât. Ba Ehtemâm-e R. Farhâdi ["A Vocabulary of Spoken Herati, with the Assistance of R. Farhâdi"]. Kabul, Afghanistan: Baihaqi, 1976.
- Ioannesyan 2000 — *Ioannesyan Y.A.* Jâygâh-e guyeš-e Harâti dar miyân-e guyešhâ-ye goruh-e zabâni-ye fârsi dari. Tarjome-ye X. Mostafigerou // *Nâme-ye Farhangestân.* The Quarterly Journal of Iranian Academy of Persian Language and Literature. Vol. 4, No. 4 (Ser. No. 16) Winter 1377 A.H.S./1998 C.E. Published in November, 2000. С. 140–159.
- Ioannesyan 2007 — *Ioannesyan Y.* Situating the Khorasani Dialects within the Persian-Dari-Tajiki Linguistic Continuum // *The Necklace of the Pleiades. Studies in Persian Literature.* Presented to H. Moayyad on his 80th Birthday / F. Lewis & S. Sharma (editors). Amsterdam & West Lafayette (Indiana): Rosenberg Publishers & Purdue University Press. 2007. P. 259–270.
- Ivanow 1923 — *Ivanow W.* *Tabaqat* of Ansari in the Old Language of Herat // *Journal of the Royal Asiatic Society.* Cambridge, 1923. Vol. 55. P. 1–34, 337–382.
- Ivanow 1925 — *Ivanow W.* Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan // *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (N.S.).* Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1925. Vol. XXI. P. 233–313.
- Ivanow 1927 — *Ivanow W.* Some Poems in the Sabzawari Dialect // *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal.* Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1927 (pt. 1). P. 1–41.
- Ivanow 1928 — *Ivanow W.* Persian as Spoken in Birjand // *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (N.S.).* Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1928. Vol. XXIV. P. 235–351.
- Masse 1925 — *Masse H.* Contes en Persan Populaire // *Journal Asiatique.* Recueil de Mémoire et de notice relatifs aux études publié par la Société Asiatique. T. CCVI. Paris, 1925. P. 71–157.
- Pahlavânnežâd, Nejâtîyân 1990 — *Pahlavânnežâd M.R., Nejâtîyân H.* Barresi va tousif-e nezâm-e avâyi-ye gyueš-e mašhadi // *Faslnâme-ye adabiyât va zabânhâ-ye mahalli-ye irânzamin.* Sâl-e avval, šomâre-ye avval. Pâyiz-e [19]90 (IRLL Vol. 1, Issue 1). С. 31–56.
- Rabin 1364 — *Rabin A.A.* Zarbolmasalha-ye 'amyana. Kabol, 1364.
- Redard, Kieffer, Sana 1974 — *Redard G, Kieffer Ch.M., Sana S.* L'Atlas linguistique des parlers iraniens: atlas de l'Afghanistan. Bern: Universität, 1974.
- Rezaee 1998 — *Rezaee J.* Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vâjšhenâsi-Dastur. Be Ehtemâm-e M. Rafi'i. [Tehran]: Hirmand, 1998.
- Sho'ur 1974 — *Sho'ur A.* Tarânahâ-ye Kohsâr. Ba Ehtemâm-e F. Faqiri. Kabul: Vezârat-e Ettlâ'ât-o Kultur, Matba'a-ye Dawlati, 1974.
- Wheeler M. Thackston 1993 — *Wheeler M. Thackston. Jr.* An Introduction to Persian [Bethesda, MD, 1993].

Zomorrodian 1974 — *Zomorrodian R. Le Système verbal du Persan parlé à Qâyen // Studia Iranica*. 1974. T. 3. Fasc. 1. P. 87–112.

References

- Abbâsi, Zahra. “Namud vâžegâni-ye af’âl-e morakkab dar guyeš-e birjandi” [The Lexical Aspect of Compound Verbs in the Variety of Birjand]. *Majalle-e zabânšenâsi va guyešhâ-ye Xorâsân*. Mašhad: Dânešgâh-e Ferdowsi, no. 13 (pâyiz-o zemestân 1394), pp. 39–60 (in Persian).
- Afghani Nawis, Abdolla. *Loghât-e ’Âmiyâna-ye Fârsi-ye Afghânestân*. Bâ takmela-ye az H. Farmand [A Dictionary of Afghan Persian Slangs, with a Supplement by H. Farmand]. Kabul: Government Printing Press, 1985 (in Persian).
- Bogorad Y.I. “Goronskii govor tajikskogo iazyka” [The Goroni Variety of the Tajiki Language]. In: *Iranskii Sbornik*. K semidesyatiletiju prof. I.I. Zarubina. Moscow: Vostochnaya literatura, 1963, pp. 44–59 (in Russian).
- Bogorad Y.I. “Rogskiyev govory tajikskogo iazyka” [The Rogh Varieties of the Tajiki Language]. *Trudy Instituta Iazykoznaviya*, vol. 6. Moscow: Akademiia nauk SSSR, 1956, pp. 133–195 (in Russian).
- Farhadi, Abdu’l-Ghafur. *Razgovornyi farsi v Afghanistane* [The Colloquial Persian in Afghanistan]. Tr. from French by B.I. Ostrovskii. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian).
- Fikrat, Mohammad Asef. *Loghât-e Zabân-e Goftâri-ye Herât*. Ba Ehtemâm-e R. Farhâdi [A Vocabulary of Spoken Herati, with the Assistance of R. Farhâdi]. Kabul, Afghanistan: Baihaqi, 1976 (in Persian).
- Grunberg A.L. *Iazyk severo-azerbajjanskikh tatov* [The Tati Language of Northern Azerbaijan]. Leningrad: Akademiia Nauk SSSR, 1963 (in Russian).
- Ioannesyan Y.A. “Izucheniye i osnovnyie spetsificheskie cherty chorasanskoï gruppy dialektnoï massiva iazykov persidskogo, dari i tajikskogo” [A Study in and the Basic Specific Characteristics of the Linguistic Continuum of the Persian-Dari-Tajiki Dialects]. In: *Strany i Narody Vostoka*, vol. 30. Pamiati A.L. Gryunberga. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998, pp. 62–82 (in Russian).
- Ioannesyan, Youli. “Jâygâh-e guyeš-e Harâti dar miyân-e guyešhâ-ye goruh-e zabâni-ye fârsi dari” [The Position of the Khorasani Dialects within the Persian-Dari-Tajiki Linguistic Continuum]. Tr. by X. Mostafagerou. *Nâme-ye Farhangestân*. The Quarterly Journal of Iranian Academy of Persian Language and Literature, vol. 4, no. 4 (Ser. No. 16). Winter 1377 A.H.S./1998 C.E. Published in November, 2000, pp. 140–159 (in Persian).
- Ioannesyan Y.A. “Mesto geratskogo sredi dialektov dari-persidskogo iazykovogo massiva” [The Position of Herati among the Dialects of the Dari-Persian Linguistic Continuum]. *Peterburgskoye vostokovedeniye*, 1995, vol. 6, pp. 224–242 (in Russian).
- Ioannesyan Y.A. “Nekotorye obshchie osobennosti ryada persidskikh i drugikh zapadnykh iranskikh dialektov otrajennyye v iazyke “Tabaqat as-Sufiia” A. Ansari” [Some Peculiar Traits Common to Certain Persian and other Western Iranian Dialects as Reflected in the Language of the “Tabaqat of Sufiia” by A. Ansari]. In: *Na Pastbishe Mysli Blagoy*. Volume in Honor of I.M. Steblin-Kamenskii. St. Petersburg: Kontrast, 2015, pp. 141–153 (in Russian).
- Ioannesyan, Youli. “Situating the Khorasani Dialects within the Persian-Dari-Tajiki Linguistic Continuum”. In: *The Necklace of the Pleiades*. Studies in Persian Literature. Presented to H. Moayyad on his 80th Birthday. F. Lewis & S. Sharma (editors). Amsterdam & West Lafayette (Indiana): Rosenberg Publishers & Purdue University Press, 2007, pp. 259–270 (in English).
- Ivanow, Wladimir. “Tabaqat of Ansari in the Old Language of Herat”. *Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. 55. Cambridge, 1923, pp. 337–382 (in English).
- Ivanow, Wladimir. “Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan”. *Journal and Proceedings, of the Asiatic Society of Bengal*, N.S. 21. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1925, pp. 233–313 (in English).

- Ivanow, Wladimir. "Some Poems in the Sabzawari Dialect". *Journal and Proceedings, of the Asiatic Society of Bengal*. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1927 (pt. 1) (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Persian as Spoken in Birjand". *Journal and Proceedings, of the Asiatic Society of Bengal*, N.S. Vol. XXIV. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1928, pp. 235–351 (in English).
- Ivanova S.Y. "Materialy po penzhikentskomu govoru" [Materials for a Study of Penjikenti Variety]. *Trudy Instituta Iazykoznanya*, vol. 6. Moscow: Akademiia Nauk SSSR, 1956, pp. 281–342 (in Russian).
- Kerimova A.A. *Govor tajikov Bukhary* [The Tajiki Dialect of Bukhara]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1959 (in Russian).
- Mahmudov M. *Lahjahoyi tojikoni rayoni Kitob* [The Tajiki Dialects of the Kitob Region]. Dushanbe: Donish, 1978 (in Tajiki).
- Masse, Henri. "Contes en Persan Populaire". *Journal Asiatique*. Recueil de Mémoire et de notice relatifs aux études publié par la Société Asiatique. T. CCVI, Paris, 1925, pp. 71–157 (in French).
- Murvatov Ch. *Shevai chanubii zaboni tochiki* [The Southern Type of the Tajiki Language]. Part 5. Dushanbe, 1982 (in Tajiki).
- Opyt istoriko-typologicheskogo issledovaniya iranskikh iazykov* [An Experience of the Historical and Typological Study of Iranian Languages]. Edited by V.S. Rastorguieva and J.I. Edelman. Vol. 1: Phonology, an Evolution of the Morphological Type. Moscow: Nauka, 1975.
- Oranskii I.M. "Taj. kati/gati — Osset. (Digor.) Khässä" [Taj. kati/gati — Ossetic (Digor) Khässä]. *Iranskoie iazykoznaniie*. Istoriia, etimologii, tipologii [Iranian Linguistics: History, etymology, typology] (on the occasion of the 75th anniversary of Prof. V.I. Abaiev). Moscow: Nauka, 1976, pp. 148–159 (in Russian).
- Osnovy iranskogo iazykoznaniia. Novoiranskie iazyky: zapadnaia grupp*a [The Basics of Iranian Linguistics. New Iranian Languages: The Western Group]. Ed. by V.S. Rastorguieva. Moscow: Nauka, 1982.
- Pakhalina T.N. "K kharakteristike kabulskogo prostorechia" [Notes on the Characteristics of Kabuli Vernacular]. In: *Indiiskaia i Iranskaia filologii*a. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian).
- Pahlavânnezhâd, Muhammad Reza; Nejâtiyân Huseyn. "Barresi va tousif-e nezâm-e avâyi-ye gyueš-e mašhadî" [A Study and Description of the Phonetic System of the Dialect of Mashhad]. *Faslnâme-ye adabiyât va zabânâ-ye mahalli-ye irânzamin*. Sâl-e avval, šomâre-ye avval. Pâyiz-e [19]90 (IRLL Vol. 1, issue 1), pp. 31–56 (in Persian).
- Persidsko-Russkii slovar* [A Persian-Russian Dictionary]. In 2 vol. Ed. by I.I. Rubinchik. 3rd edition. Moscow: Russkii iazyk, 1985 (in Russian).
- Rabin, Aziz Ahmad. *Zarbolmasalhâ-ye âmyâna* [Popular Proverbs]. Kabul, 1364 (in Persian).
- Rastorguieva V.S. *Ocherki po tajikskoi dialktologii* [Essays on Tajiki Dialectology]. Vol. 5. Tajiki-Russian Dialectal Vocabulary. Moscow: Akademiia nauk SSSR, 1963 (in Russian).
- Rastorguieva V.S. *Opyt sravnitel'nogo izucheniia tajikskikh govorov* [An Experience of the Comparative Study of Tajiki Dialects]. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian).
- Redard G, Kieffer Ch.M., Sana S. *L'Atlas linguistique des parlers iraniens: atlas de l'Afghanistan*. Bern: Universitât, 1974 (in French).
- Rezaee J. *Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vâjshenâsi-Dastur* [A Study of the Dialect of Birjand: Phonetics, Grammar]. Be Ehtemâm-e M. Rafi'i [With the assistance of M. Rafi'i]. [Tehran]: Hirmand, 1998 (in Persian).
- Rozenfeld A.Z. *Badakhshanskiie govory tadzhikskogo iazyka* [Badakhshani Varieties of Tajiki]. Leningrad: Leningrad University, 1971.
- Rozenfeld A.Z. "Darvazskie govory tadzhikskogo iazyka" [Darvazi Varieties of Tajiki]. *Trudy Instituta Iazykoznanya*, vol. 6. Moscow: Akademiia Nauk SSSR, 1956, pp. 196–272 (in Russian).
- Rozenfeld A.Z. "Govory Karategina" [Karategini Dialects]. *Trudy Instituta iazyka i literatury AN Taj. SSR*, vol. XCIII. Stalinabad, 1960 (in Russian).
- Rozenfeld A.Z. *Namunahoi folklori Darvoz* (Examples of the Darvazi Folklore). Vol. 2. Dushanbe, 1962 (in Tajiki).

- Rozenfeld A.Z. *Tajiksko-Russkii dialektnyi slovar* [A Tajiki-Russian Dialectal Vocabulary]. Leningrad: Leningrad University, 1982 (in Russian).
- Rozenfeld A.Z. *Vanjskii govory tajikskogo iazyka* [The Vanj Varieties of Tajiki]. Leningrad: Leningrad University, 1964 (in Russian).
- Shafai A.M. "O nekotorykh foneticheskikh, leksicheskikh i morfologicheskikh osobennostyakh sabzevarkogo dialecta" [Concerning Certain Phonetic, Lexical and Morphological Peculiarities of the Sabzivari Dialect]. In: *Vsesoyuznaia nauchnaia konferentsia "Problemy iranskoi filologii"* (Baku, 1977). Baku, 1979 (in Russian).
- Sho'ur, Asadolla. *Tarânahâ-ye Kohsâr* [Songs of the Mountains]. Ba Ehtemâm-e F. Faqiri [With the assistance of F. Faqiri]. Kabul: Vezârat-e Ettelâ'ât-o Kultura, Matba'a-ye Dawlati, 1974 (in Persian).
- Sokolova V.S. *Fonetika tadjikskogo iazyka* [Phonology of the Tajiki Language]. Moscow-Leningrad: Akademiiia nauk, 1944 (in Russian).
- Svod tadjikskogo folklorâ* [A Collection of Tajiki Folklore]. Composed by I. Levin, J. Rabiev, M. Iavitch. Moscow: Vostochnaya literatura, 1981 (in Tajiki).
- Uspenskaia L.V. "Karatagskii govor tadjikskogo iazyka" [The Karatagi Variety of Tajiki]. *Trudy Instituta Iazyka i literatury Taj. SSR*, vol. XLVI, 1956 (in Russian).
- Wheeler M. Thackston, Jr. *An Introduction to Persian* [Bethesda, MD, 1993] (in English).
- Zomorrodian, Reza. "Le Systême verbal du Persan parlé à Qâyen". *Studia Iranica*, 1974, vol. 3, fasc. 1, pp. 87–112 (in French).

Some Important Differentiating Features between the Khorasani Group of Persian Dialects and the Varieties of the Afghan-Tajiki Group

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 1 (issue 36), pp. 50–74)
Received 25.11.2018.

Youli A. Ioannesyan

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article contains a study of five characteristics of the Khorasani Group of Persian Dialects distinguishing it from the Afghan-Tajiki group. These characteristics consisting of two phonetic and two morphological features as well as of one relating to prepositions, despite the fact that they do not represent all the distinguishing features between the groups, have been singled out by the author as some most *stable* characteristics. The article is based on a wide range of sources, which include the author's field research and numerous works of Russian, Western, Iranian, Tajiki and Afghan authors.

Key words: Iranian studies, Persian dialectology, Iranian dialectology, Afghan and Tajiki dialectology.

About the author:

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (youli19@gmail.com).